

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Время сняло запрет с многих имен в нашей истории и литературе. Относится это и к Борису Савинкову, знаменитому террористу и писателю. О нем сегодня много пишут в центральных изданиях, появились в печати и его произведения. Вызывает интерес и факт пребывания его в вологодской ссылке, о чем пойдет речь в предлагаемом вниманию читателей очерке.

В известном историческом журнале «Былое» за 1906 год (№ 7) есть публикация «Годы скорби» (воспоминания матери). Их автор С. А. Савинкова.

В воспоминаниях речь идет о двух братьях-студентах, что выросли в семье либерального судьи на «западной окраине» России. Потом они поехали учиться в Петербург и оба быстро включились в освободительное движение. Как и следовало ожидать, начались аресты, тюрьмы, ссылки. И мятарства их матери, хлопоты по начальству, поездки, прошения, попытки хоть как-то облегчить судьбу своих «мальчиков». Словом, для нее начались «годы скорби».

Автор воспоминаний не называет имена сыновей: просто «младший сын» и «старший сын». Из городов упоминает лишь Петербург, Москву и Вологду.

Но вскоре начинаешь понимать, что это — воспоминания матери Бориса Савинкова. Вот что пишет она: «...младший сын мой, отсидев пять месяцев в крепости и четыре в доме предварительного заключения, был до окончания приговора административно выслан на житье в Вологду и получил разрешение приехать на три дня, проститься с родителями. Он тоже очень изменился, похудел, побледнел и стал гораздо нервнее. Но он был крепче старшего, и возможность жить с семьей сильно поддержала его. Старался он приободрить и нас с мужем, уверяя, что ожидает худшего».

Прошло некоторое время, и мать навестила младшего сына в Вологде. Причем приехала к нему не одна. С нею был старший сын, которого только что освободили из московской тюрьмы и сослали в Нижний Новгород тоже ждать «окончания приговора». Но разрешения не было. Разрешения не было и с братом.

Мать пишет: «Приехал в

Вологде прошли быстро... Эти дни остались одной из немногих светлых точек нашего существования; по крайней мере я видела обоих сыновей хоть в ссылке,

хотя в якутскую ссылку, где в конце трехлетнего срока впал в меланхолию и застрелился.

...Побег из Вологды был дерзким, решительным. Так начинал авантюрную эпопею своей жизни Борис Савинков.

Этот побег и события в Вологде, что предшествовали ему, описаны самим Савинковым в его воспоминаниях. Они опубликованы в том же историческом журнале «Былое» (1917 год, июль). Время внесло свои коррективы.

В седьмом номере «Былого» начал печатать свои воспоминания не гонимый и

уехать в Норвегию. Из разговора выяснилось, что в тот же день через час отходит из Архангельска в норвежский порт Вардз мурманский пароход «Император Николай I». У меня не было времени возвращаться на вокзал за вещами, и я, как был, без паспорта и вещей, незаметно прошел в каюту 2-го класса... Из Вардз, через Тронтейм, Христианию и Антверпен, я приехал в Женеву».

Нас, естественно, больше интересуют полтора года вологодской ссылки Савинкова. И они неплохо отражены

документ — полицейский рапорт от 9 июля.

Но когда он бежал, в полицейской «Ведомости о лицах, подлежащих розыску» появились приметы Савинкова. «Рост 183 см. Телосложение слабое. Несколько сутуловат. Цвет волос на голове темно-каштановый... На темени проступает лысина. Волосы коротко стрижены. Бороду бреет. Глаза карие. Несколько близорук, очков не носит. Нос прямой, с небольшой горбинкой. Лицо овальное, худощавое, весноватое...»

Но особый интерес для нас

Рукопись Алексея Ремизова «Б. В. Савинков» написана чуть позднее, в 1925 году, после гибели Савинкова. Она никогда не была опубликована. Автор этих строк обнаружил ее в «фонде Ремизова» Центрального государственного литературного архива.

Ремизов тоже новонамился с Савинковым в вологодской ссылке. Оба они делали тогда первые шаги в искусстве слова, пытались печататься в столичных журналах, часто встречались по литературным делам.

Алексей Ремизов сдержанней, чем Луначарский, оценивает литературные дарования Савинкова. И стиль его не без иронии называет «петербургский модерн». В рукописи Ремизова есть имя литературной наставницы Савинкова — Зинаиды Гиппиус, — она правила его роман «Конь бледный». И вспоминалась давняя находка в спецхране московской библиотеки.

Речь идет о «Книге стихов» В. Роппина (Б. Савинкова), изданной в Париже в 1931 году тиражом... сто экземпляров. Стихи издавала и написала к ним предисловие З. Гиппиус.

Возможно, где-нибудь в Европе, в библиотеках русских эмигрантов третьего поколения, и сохранились сегодня несколько книжек «посмертного издания» стихов Роппина — Савинкова. В нашей стране это скорей всего единственный экземпляр.

Вот всего одно, последнее, стихотворение этого «борца»:

Нет родины — и все кругом безмерно,
Нет родины — и все кругом ничтожно,
Нет родины — и вера невозможна,
Нет родины — и слово лицемерно,
Нет родины — и радость без улыбки,
Нет родины — и горе без названья,
Нет родины — и жизнь, как призрак зыбкий,
Нет родины — и смерть, как увяданье...
Нет родины. Замок висит острожный,
И все кругом ненужно или ложно...

Да, Борис Савинков был авантюристом и террористом. Но он вошел в нашу историю. Он был.

В. НОВОСЕЛОВ.

«АРТИСТ АВАНТЮРЫ»

но не в тюрьме! О многом мы тогда поговорили...

Младший сын мой жил в ссылке с семьей, и относительно ему жилось неплохо... Но ожидаемый приговор висел над ним как дамоклов меч! Тогда впервые сказал он мне, что если его сошлют в Восточную Сибирь, он туда не поедет. Я тогда не поняла. Я думала, что это сказано невзначай, как иногда говорится о том, что неприятно. Но, зная его полную жизни и энергии натуру, я знавала, что Якутская область для него равна заживо погребению. Я уверяла его, что его не ждет такое жестокое наказание, но он качал головой: суровость Пелева была известна...

После свидания в Вологде Савинкова какое-то время жила спокойней на «западной окраине» (в Варшаве). «Но весна уже принесла с собой новые тревоги. Прежде всего до нас дошел слух о приговоре по делу младшего сына — его сослали в Якутскую область. И сейчас же письма от него из Вологды прекратились... Напрасно я послала письмо с письмом, телеграмму за телеграммой — ответа не было. Тогда я вспомнила наш разговор. В душе росло мучительное сомнение. И много пришлось переучувствовать мне, пока, наконец, я не была обрадована открыткой из Норвегии, в которой стояло единственное слово: «Привет!». Но оно было написано дорогой, любимой рукой...».

Итак, Норвегия! Да, Борис Савинков бежал из Вологды в Женеву через Норвегию. А старший брат покорно ре-

безвестный подпольщик-террорист, а член российского Временного правительства Борис Викторович Савинков. Поэтому воспоминания написаны «открытым текстом» и очень подробно: никаких «западных окраин», никаких «старших и младших братьев».

Вот как они начинаются: «В начале 1902 года я был административным порядком выслан в г. Вологду по делу С.-Петербургских социал-демократических групп «Социал» и «Рабочее знамя». Социал - демократиче с к а я программа меня давно уже не удовлетворяла. Мне казалось, что она не отвечает условиям русской жизни: оставляет аграрный вопрос открытым. Кроме того, в вопросе террористической борьбы я склонялся к традициям «Народной воли».

В Вологду дважды — осенью 1902 г. и весной 1903 г. — приезжала Е. К. Брешковская. После свидания с нею я примкнул к партии социалистов-революционеров, а после ареста Г. А. Гершуни (май 1903 г.) решил принять участие в терроре. К этому же решению, одновременно со мною, пришли двое моих товарищей, а также близкий мне с детства Иван Платонович Калиев, отбывавший тогда полицейский надзор в Ярославле.

В июне 1903 г. я бежал за границу. Я приехал в Архангельск и, оставив свой чемодан на вокзале, явился по данному мне в Вологде адресу. Я надеялся получить подробные указания, как и на каком пароходе можно

в местном архиве, в воспоминаниях современников.

Архив гласит, что в Вологду он прибыл в возрасте 22 лет. Служил здесь секретарем в кабинете поверенных при окружном суде, а также занимался литературным трудом.

Жил он с семьей в квартире при польском костеле. В семье были маленькие дети Татьяна и Виктор. Время от времени к Савинковым приезжали гости.

Жена Савинкова, Вера Глебовна, хлопотала за него, просила департамент полиции оставить мужа в Вологде на все время ссылки. Но получила отказ. И отказ этот несложно объяснить. Ведь Борис Викторович состоял под надзором полиции с 18 лет и еще до Вологды побывал в ссылке в Калужской губернии. В вологодский период за ним числились два «особых надзора»: по петербургскому делу и по московскому.

Не дремала полиция и в Вологде. Вот одна из полицейских записей по наблюдению за Савинковым: «Своими знакомствами и сношениями навлекает на себя особенные подозрения. Крайне вреден в политическом отношении».

Ну, а побег Савинкова вологодская полиция «проморгала». Вот орудные архивные записки, сделанные летом 1903 г.: «Семья выбыла из Вологды в начале июня сего года в г. Варшаву». «...Савинков с квартиры своей неизвестно куда отлучился, и в г. Вологде его по розыскам на жительство не обнаружено». Второй

вызывают воспоминания о Савинкове литераторов, отбывавших вместе с ним вологодскую ссылку. О нем писали Луначарский и Ремизов.

Очерк Луначарского «Артист авантюры» появился в сентябре 1924 года, после московского суда над Савинковым. В нем есть такой отрывок:

«Я помню одну маленькую эффектную сцену. Было это в вологодской ссылке. Социал-демократы и эсеры собрались в каком-то обществе, слушали какой-то доклад и горячо дебатировали... Вдруг посреди дискуссии открывается дверь и является Савинков. Лицо его бледно, глаза сощурены, движения нарочито размеренны и небрежны. Не говоря никому никакого предварительного слова, он выходит на середину и разражается речью из отрывистых фраз, что пора перестать болтать... и что дело выше слов. Казалось бы, за эту пустую выходку человека нужно было по-товарищески ругнуть, если не просто выставить за дверь, но, к моему великому удивлению, все были в восхищении... «Ах, этот Савинков, вот человек дела...»

Луначарский пишет, что для Савинкова революция была «особо эффективной сферой для проявления собственной оригинальности, что постепенно он влюблялся в роль «слуги народа». Хотя служил ему весьма оригинально — картинными подвигами привлекал к себе всеобщее внимание и утолял свое ненасытное честолюбие».